

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2019, №2, Том 10 / 2019, No 2, Vol 10 <https://sfk-mn.ru/issue-2-2019.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/21FLSK219.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Крыжановская А.В. Формирование национальной специфики языка русской философии // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2019 №2, <https://sfk-mn.ru/PDF/21FLSK219.pdf> (доступ свободный).
Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Kryzhanovskaja A.V. (2019). Formation of national specifics of the language of Russian philosophy. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 2(10). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/21FLSK219.pdf> (in Russian)

УДК 811.161.1

ГРНТИ 16.21.25

Крыжановская Анна Васильевна

ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет», Тюмень, Россия

Доцент

Кандидат философских наук, доцент

E-mail: cupava@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5012-6267>

Формирование национальной специфики языка русской философии

Аннотация. Целью данной статьи является рассмотрение особенностей развития языка русской философии и формирования его национальных черт, начиная с периода зарождения русской философской мысли. В статье отмечается, что уже древнейшие памятники русской письменности раскрывают как философскую природу мысли русских авторов, взаимосвязь лингвистической и философской тематики, так и нарождающиеся специфичные черты русского языка, его многогранные возможности и неиссякаемый философский потенциал. В статье подчеркивается, что, по мнению многих исследователей древнерусских произведений, в основе формирования отечественного литературного языка лежит исконно русский, а не церковнославянский (древнеболгарский) язык. На начальном этапе развития русской философской мысли характерной особенностью переводов философской терминологии была ментализация, позднее стали превалировать такие методы перевода и формирования философских терминов, как калькирование и транспозиция. Калькирование, обусловленное уникальной структурой русского языка и его высоким потенциалом формирования слов, стало преобладающим и эффективным методом создания русской философской терминологической системы. Автор акцентирует внимание на том факте, что национальное своеобразие русского философского языка формируют, помимо прочих, такие его яркие черты, как поэтичность, идиоматичность, зависимость от эстетического фактора. Художественность русской философии может быть названа в качестве одной из основных ее особенностей. Статья формирует мнение, что для многих русских мыслителей смысл философии заключался не в рациональном решении жизненных проблем, а в большей мере в осмыслении, принимавшем художественную, публицистическую или поэтическую формы, причин человеческих страданий, постоянного противоборства добра и зла. В статье делается вывод, что в результате длительного исторического и культурного развития русский язык, включая язык русской философии, сложился в могучий и совершенный европейский язык.

Ключевые слова: язык русской философии; памятники древнерусской письменности; формирование философских терминов; русская философско-языковая традиция; национальное своеобразие русского философского языка; эстетический фактор; художественность русской философии

Существует прямая корреляция между лингвистикой и философией при рассмотрении тем, касающихся миропонимания, самосознания и самооценки нации. В дополнение к коммуникативной функции национальный язык выполняет когнитивные функции фундаментальной важности, благодаря которым новые понятия понимаются и формализуются в соответствии с элементами структуры языка. Роль языка первостепенна в сохранении единства народа в исторической смене поколений и социальных формаций, формировании национального сознания, коллективного бессознательного, духовной культуры нации. М. Хайдеггер писал, что способ приблизиться к истинному значению бытия заключается в его отражении в языке. Гумбольдт создал концепцию целостности языка, на основе которой он выдвинул понятие "внутренняя форма языка", из которого следует, что только в соответствии с внутренне присущим национальному языку единым принципом формы можно образовывать все языковые элементы, что доказывает естественность отличий в эпистемологии и миропонимании разных народов [1].

Русская религиозная философия углубленно исследует взаимозависимость языка и философии. П. Флоренский утверждал: "...факт существования языка есть факт существования философии..." [2, с. 140]. А.Ф. Лосев полагал, что философия рождается из "интуитивных глубин языковой стихии". Важными аспектами темы взаимоотношений языка и философии являются их этнические и универсальные принципы, а также соотносительность родного языка и национальной философии. По мнению ученых-лингвистов А. Потебни, Э. Сепира, Б. Уорфа и других, язык, народ и его культура взаимно обуславливают друг друга. Следовательно, национальный язык можно расценивать как первооснову для исследования культуры, менталитета и духа народа. Следует подчеркнуть, что фундаментом любой культуры является концептуальный и логический аппарат, характерный для мировоззрения конкретного народа. В частности, для русского языка не характерна формальная логика, она может опираться на афоризмы и нетривиальные мысли, что, например, свойственно работам В. Розанова. Нельзя не отметить также особую значимость пословиц и поговорок, сочетающих в единое целое художественные и интеллектуальные аспекты высказываний.

Формирование национальной специфики русского философского языка целесообразно начать рассматривать с периода зарождения русской философской мысли. Создание славянского литературного языка стало эпохальным событием культурной жизни на Руси в IX–XI веках. Обогащенный заимствованными идеями и формами устройства старых языков Европы, он становится равным международным языкам европейского средневековья. Древнейшие памятники русской письменности раскрывают не только философскую природу мысли русских авторов, взаимосвязь лингвистической и философской тематики, но и нарождающиеся специфичные черты русского языка, его многогранные возможности и неиссякаемый философский потенциал. По словам известного советского лингвиста В.В. Виноградова, письменность на славянском языке укоренилась на Руси в X веке, а первые письмены на русском языке восходят к XI веку [3]. А.Ф. Замалеев в своей работе "Философская мысль в средневековой Руси (XI–XVI вв.)" отсылает к исследованию известного советского лингвиста С.П. Обнорского, который, изучив язык древнерусских источников, таких, как "Русская правда", "Поучения Владимира Мономаха", "Моления Даниила Заточника", "Слово о полку Игореве", сделал выводы в "Очерках по истории русского литературного языка", что в основе формирования отечественного литературного языка лежит исконно русский, а не

церковнославянский (древнеболгарский) язык. К такому же выводу пришли российские ученые Д.С. Лихачев, А.С. Орлов, В.П. Адрианова-Перетц, И.П. Еремина, Н.А. Мещерский и другие [4, с. 20, 21].

Характерной особенностью переводов философской терминологии Кириллом и Мефодием была ментализация – перевод семантической доли смыслового объема исходного термина, благодаря чему вновь созданные термины были доступны для понимания. Позднее стали превалировать такие методы перевода и формирования философских терминов, как транспозиция (перенос лексических единиц из универсального языка в групповой) и калькирование (буквальный перевод структуры слова или фразы). Калькирование, обусловленное особенностями структуры русского языка и его высоким потенциалом формирования слов, стало преобладающим и эффективным методом создания русской философской терминологической системы. С целью толкования новых идей в процессе перевода византийской и западноевропейской литературы на старославянский требовалась генерация новых слов, адаптация и трансформация старых для описания абстрактных представлений. Церковно-славянский язык воспринимался в России как своеобразный Божественный язык. Как пишет Успенский: "Церковнославянский язык ... связан с сакральным, Божественным началом. ... на этом языке вообще невозможна ложь" [5, с. 50].

Такие древние произведения XI века, как "Слово о законе и благодати" Илариона, "Летопись", "Остромирово евангелие", "Изборник Святослава", уже демонстрируют высокий уровень развития литературного языка в древней Руси. Исследователи памятников древней русской письменности расценивают язык "Слова о полку Игореве" (конец XII в.) как пример поразительного совершенства народной поэзии в эпоху Киевской Руси. Манера перевода на русский язык с греческого в начале тринадцатого века показывает высокий уровень литературного образования в России в тот период, а именно, глубокое понимание и самостоятельность при изучении оригиналов, отсутствие механистичности в процессе перевода. Для большей образности и ясности мысли переводчики добавляли собственные фразеологические вставки к текстам. Литература Северо-Восточной Руси (например, "Слово о погибели русской земли", XIII в.) также характеризуется высокой культурой русского языка, объединяющего народные восточнославянские и «церковнославянские» элементы. Академик Н.К. Никольский и другие исследователи подчеркивают, что с XII века церковная письменность и древнерусский литературный язык стали в большей степени подвержены влиянию византийской культуры, в частности, широко распространились греческие образы, эпитеты, метафоры, что особенно заметно при анализе языка "Заветов XII патриархов" и "Поучения" Владимира Мономаха.

Изучение древнерусских письменных памятников свидетельствует о том, что их авторам были присущи реалистичное восприятие слова и имени и готовность увидеть в вещи "умопостигаемую сущность" (Горский В.С.) [6, с. 89], а язык рассматривался как "совокупность имен вещей, открывающая путь к познанию сущности" (Степанов Ю.С.) [7, с. 10]. Для установления сущности древнерусская точка зрения опирается на вещь, чтобы через именование представить ее наиболее важные черты (В.В. Колесов) [8, с. 297]. Вера во взаимосвязь объекта или явления с его названием привела к пониманию знаний как определению смысла феномена или объекта, а основным методом познания считалось именование. Наиболее широко используемым словом древних русских авторов было слово "мудрость" (премудрость), которое означало и имя Бога, и законы вселенной, и духовные силы человека. Первоосновой древнерусского реалистичного понимания сути слова была Библия, по которой сотворение мира началось с Божественного слова или именованного: "В начале было Слово". Глаголическая знаковая структура первого славянского алфавита представляет одно из древнейших православных учений – ономотодоксию (имяславие), которое основывается на поклонении символу Имени Бога. В целом, древнерусская культура, как и многие другие

древние цивилизации, начиная с древнего Египта, имела "имяславский" взгляд на мир, подобный тому, как постигал его смысл П. Флоренский. В связи с этим стоит отметить слабый интерес в древнерусской мысли к теоретической стороне вопроса, связанного с сущностью имени.

Фундаментальной важностью для развития русского литературного языка было применение с конца XIV века книжно-риторического, славянизированного стиля, порожденного "вторым южнославянским влиянием", благодаря чему значительное количество славянских слов и оборотов сохранилось до настоящего времени. В XI–XIII веках в России осуществлялась русификация и демократизация старославянского языка, но с развитием идеи "Москва-Третий Рим" и укреплением Московского самодержавия развивалась идеологизация славяно-русского языка, началось формирование риторической литературной формы русского языка, отличающейся от простонародного и делового языка, хотя и часто использующей русские народные пословицы и поговорки. Развитие русского языка в XV–XVI веках обусловило рост количества используемых выразительных средств – эпитетов, синонимов, синонимических оборотов. Например, В.О. Ключевский писал о частом включении эпитетов в повествования Епифанием Премудрым в его "Житии Стефана Пермского" [9]. Для русской исторической литературы XVI века характерно желание объединить стили и формы языка всего прошедшего периода, риторичность расцвета идеи «Третьего Рима» и живого русского языка.

В XVII и XVIII веках русский язык в значительной степени является синтезом государственного письменного языка, старославянского и народного языка, включая региональные диалекты. Развитие русского языка в последующие периоды также характеризуется ассимиляцией и творческой переработкой лексического, образного и идейного ресурсов западноевропейских языков. Использование русизмов и старославянизмов в качестве терминов указывало на тяготение к национальной самостоятельности и демократичности философского языка, а словообразовательные структуры и лексемы церковнославянского языка становились основой многих русских философских терминов даже после отказа от церковнославянского языка как системы.

Философские термины нередко создавались посредством объединения заимствованных латинских и греческих элементов с морфемами церковнославянского языка или формировались по образцу иностранных языков, но с использованием национального языкового материала. Создание философской терминологии обуславливалось не только знаниями средневековых российских мыслителей о путях построения терминов и их значений, но и личностным фактором в процессе выбора источников. У ассимилированного иностранного слова часто изменялось значение вследствие расширения или сужения его "смыслового объема", либо это влекло за собой изменение значения близкого по смыслу русского слова. Лексическое значение термина всегда ассоциируется с его внутренней формой, то есть образным способом выражения смысла, предопределенным национальными, историческими, социокультурными, психологическими характеристиками. Связь между смыслом и звуковым компонентом слова, т. е. его структурным и семантическим качеством, определяет тип его мотивации. Для сохранения национального характера русской философской терминологии особенно важен мотивированный тип номинации, в то время как близость с разговорным языком связана с применением общих моделей формирования слов, корневых и аффиксальных морфем.

Если в Древней Руси на формирование славянской разговорной лексики оказывали существенное влияние явные заимствования из греческой философской семантики, то смысловое значение философских терминов в последующие периоды складывалось иным способом. Для XVIII–XIX веков при осмыслении западной философии была важна установка на выявление и противопоставление "своего и чужого", принятие близких национально-культурному духу элементов и структур и отторжение или глубокая переработка чуждых. В формировании русской философской терминологии значительная роль принадлежала

коннотативному компоненту, отражающему личностное, эмоциональное отношение автора к изучаемому явлению. Сохранение влияние творческого метода Платона в эту эпоху проявилось в русском творчестве в постулировании равнозначности идеального и природного, основанном на понимании единства имени и идеи вещи или явления. В XVIII веке философская терминология, в основном, еще строилась посредством словосложения, в XIX веке появилась тенденция расширять русскую философскую терминологию через иностранные заимствования. Калькирование латинских терминов способствовало приобщению к международной научной терминологии и созданию собственно русских философских, научных, политических терминов. Приверженность к европейским терминам и вообще к европеизму в тот период была так сильна, что Петр I был вынужден отдать приказ об использовании русского языка при написании всех деловых и государственных бумаг.

Первым к созданию новых норм русского литературного языка приступил М.В. Ломоносов, объединив в "русском языке" все варианты русской речи, включая государственный язык, устную речь с ее областными диалектами, народную поэзию. Славяно-русский язык, отражавший развитие русской культуры в течение нескольких веков, связанный с языком науки, усовершенствованный приемы красноречия, по достоинству оценивался Ломоносовым. В этот период он стал расцениваться не в качестве независимой языковой системы, а как богатый источник выразительных и стилистических средств, придающих русскому языку торжественность, величественность и образность. В первой половине XVIII в. Ломоносов определяет систему трех стилей литературы, состоявшую из низкого, среднего и высокого стилей, вводит их грамматические и лексические нормы, относя каждый стиль к конкретным жанрам литературы. Вследствие введения теории трех стилей было ограничено использование как слов славяно-русского языка, так и иностранных слов. К заслугам Ломоносова следует отнести значительное усовершенствование и русификацию отечественной научной терминологии. В дальнейшем рамки теории трех стилей стали слишком узки, например, для творчества Фонвизина, Державина, Новикова, Радищева, которые находили новые образные средства и широко применяли в своих произведениях живой народный язык.

В конце XVIII в. процесс конструирования национального русского языка достиг значительных результатов: благодаря учению о трех стилях, литературный язык обогатился как славяно-русизмами, так и словами простого народного языка, а влияние западноевропейских языков стало стимулом для семантического развития, создания новых языковых форм для отображения идей и концепций западноевропейской культуры, а также способов написания научных и публицистических трудов. Необходимо отметить огромный вклад в развитие русской литературной фразеологии и синтаксиса Н.М. Карамзина, который, по словам В.Г. Белинского, избавил русский язык от "ходуль латинской конструкции и тяжелой славянщины", приблизив его к разговорному русскому языку, а также призвал к устранению обособленности между тремя стилями литературы.

Усовершенствование системы русского литературного языка продолжилось в начале XIX века. А.С. Пушкин сформировал новую литературно-языковую норму, включив в свой язык элементы русского языка, имевшие общенациональное значение и способствовавшие развитию художественных композиций и стилей, а также акцентировав строго избирательный подход к использованию европеизмов. В более позднем периоде своего творчества Пушкин избавляет свой язык от галлицизмов в области фразеологии и в синтаксических конструкциях, выступает против буквального "калькирования" иностранных фраз, при этом не отказываясь от "галлицизмов понятий". Исходя из семантических закономерностей и потребностей русского языка, он ограничивает использование специальных терминов в литературной речи, устанавливает новые правила соединения разговорно-русских конструкций с книжными и новые формы словообразования, полностью отказавшись от системы трех литературных стилей. В 30–40-е годы XIX века в русском литературном языке осуществляется процесс

изменения значения различных жанров и степени их взаимовлияния – главную роль стала играть проза, а не стих, а в самой прозе стал преобладать публицистический стиль, в основном изживший канцеляризм и повернувшийся к языку философии, науки и художественной прозы.

В процессе усовершенствования философского и публицистического языка следует отметить значительную роль русской интеллигенции, увлекавшейся в 20–40-х годах философией Шеллинга и Гегеля и переводами их философской терминологии на русский язык. Для всего последующего развития русского литературного и научного языка первостепенное значение имела работа Белинского по совершенствованию литературно-эстетической, общественно-политической, философской терминологии, созданию специфической журнальной фразеологии, установлению стилистических различий разных жанров. В 40-е годы XIX века русская философская терминология являлась уже достаточно совершенной и самостоятельной системой, а переводы иностранных философских произведений характеризовались переводом терминов на русский язык, как правило, на основе словообразовательного калькирования, в отличие от полной ассимиляции иностранных терминов в более ранние периоды.

Явление полиномии, ведущее к образованию многоэлементных, включающих до 10 единиц синонимичных названий, вариантных лексических рядов для обозначения отдельного философского понятия, также можно отнести к ведущим особенностям становления русского философского языка. Другой его важной чертой является образование парных антонимических наименований, появление которых вызвано необходимостью отражения сложности и многосторонности физической и духовной реальности, причем соотношение антонимических наименований часто основывается не на взаимоисключении, а на сравнении, что указывает на становление системности в русской философской терминологии. Лексико-семантические группы философских терминов строятся по принципу выявления их понятийной связи в большей степени, чем связи языковой, а сравнение и противопоставление терминов ведет к уточнению конкретных значений. Отношения противопоставления могли быть выявлены через использование однокоренных слов с прибавлением к одному из них отрицания *не-* (напр.: *необратимость*, *небытие*, *неделание*), *без(с)-* (напр.: *безобразное*, *бесконечность*), а также *сверх-* (напр.: *сверхъестественный*) и *выше-* (напр.: *вышеозначенный*), но более эффективным был прием противопоставления разнокоренных слов. Отвлеченные существительные «действие», «сущее», «сила», «свойство», а также субстантивированные прилагательные на *-ое* (напр.: *божественное*, *вечное*), близкие по смыслу с однокоренными существительными на *-ость* (*божественность*, *вечность*) и служащие отличительным признаком философской терминологии от других терминологических систем, часто являлись основой для построения смысловых соотношений.

Факт одновременного присутствия иностранных и русскоязычных терминов в русской философской терминологии обусловил появление терминов-дублетов. Заимствованные иностранные термины, как более строго "терминированные", нередко предпочитались терминам чисто русскоязычным, ассимилированным или калькированным. В то время как заимствования, как правило, сохранялись в ограниченной терминологической системе науки, русскоязычные термины могли использоваться и в других языковых сферах, включая повседневный язык. Необходимо признать, что русские термины в силу своей многозначности не всегда могли замещать заимствованные, которые входили в состав русского языка вместе с новыми понятиями.

Явления омонимии, возникающие при "повторном заимствовании" терминов, уже являющихся заимствованиями в языке источника, но обретающие новое или дополнительное значение в русском языке, также характерны для создания терминологической системы русской философии. Другой случай появления омонимов может быть обусловлен сходным звучанием и

написанием русского и иностранного слова или способом словообразования (напр.: критический от слова "кризис" и критический от "критика"). К омонимам близки паронимы, представляющие собой разные по значению слова с похожим, но не одинаковым произношением (гуманный – гуманитарный – гуманистический; героизм – геройство – героика; экономический – экономичный). Словообразовательная модель с приставкой со- (напр.: сознание, сочувствие, совершенное, содержание, соответствие, соотношение и др.), имеющая значение совместности, оказалась очень эффективной при формировании русских философских терминов. Такой многовековой метод словообразования в индоевропейских языках как словосложение, т. е., объединение слов или их основ в сложное слово (напр.: умозаключение, многозначительность, правосознание), также был очень продуктивным, но в XIX веке, по причине усиления установки на заимствования иностранных терминов, его значение уменьшилось.

Вторая половина XIX века и начало XX века отмечены высокой степенью совершенства русского литературного и научного языка, в том числе изобилием лексической и терминологической базы, выразительных средств и форм, а также безупречностью грамматического строя. Творчество Чернышевского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина оказало особое влияние на усовершенствование публицистического стиля и, в какой-то мере, на весь последующий русский литературный язык. В этот период литературный язык пополняется интернациональной лексикой и терминологией, а также большим количеством слов и понятий из разных наук, которые получали в общем языке новый смысл.

Особым качеством русского языка, основывающимся на его самобытных выразительных средствах, частях речи и литературных формах, является активная субъектность (категория лица), суть которой заключается в том, что мысль исходит либо от человека, либо от вещи, либо от слова или даже самой мысли, в зависимости от цели исследования, что позволяет выражать утонченные и разносторонние философские обобщения, а также соразмерно степени одушевленности как действующего лица, так и субъектов, и объектов действия. Как утверждали еще славянофилы, к основным категориям славянского менталитета следует отнести категорию качества. Специфической особенностью славянских языков специалисты в сфере философии языка называют богатое разнообразие имен прилагательных. В русской философско-языковой традиции также особое внимание уделялось личному имени. Эта проблема рассматривается, например, в работах П. Флоренского, придававшего личным именам глубокий религиозно-мистический смысл, что видится не всегда бесспорным.

Во второй половине XIX – начале XX веков происходит существенное изменение отношения к церковнославянизмам. Слова и фразы славяно-русского языка, сохранившие связь с церковно-книжной традицией, в зависимости от нового сюжета, стиля, идеологии получали новые выразительные нюансы. К концу XIX века вне церковной и официально-правительственной речи церковнославянизмы являли собой разрозненный ряд лексических и фразеологических элементов, а для публицистического языка революционных демократов было характерно даже ироническое употребление церковнославянизмов (например, в творчестве Салтыкова-Щедрина). В целом, совершенствование русского литературного языка происходит в условиях развития науки, в связи с чем расширяется система значений, растет объем литературного словаря, подавляющая часть которого все же была результатом русского народного творчества, а не иностранных заимствований.

Как уже отмечалось выше, национальный язык является зеркалом особенностей мировоззрения, этических и культурных ценностей, норм поведения, характерных для данного народа, что находит свое отражение в лексике языка. Однако следует отметить, что наиболее точно отражает менталитет нации грамматический строй языка. "В то время как число слов языка представляет объем его мира, грамматический строй языка дает нам представление о

внутренней организации мышления" (В. Гумбольдт) [1, с. 345]. Формирование грамматической системы языка происходит в течение столетий, в связи с чем она является выражением атрибутов национального сознания и менталитета, обусловленных социокультурными приоритетами определенной нации. Существенной чертой грамматического строя национального языка является то, что он, в свою очередь, воздействует на дальнейшее развитие менталитета и языковой культуры народа. Общеизвестной грамматической особенностью русского языка считается его флективная изменчивость.

Польский лингвист Анна Вежицкая отмечает, что наличие в русском языке огромного количества глаголов, выражающих эмоциональные состояния, отражает такое качество русского характера, как концентрация на состоянии души [10]. В.В. Виноградов также в свое время утверждал, что специфическая "категория состояния", которую он считал грамматической, аргументируя свое мнение особой семантикой и синтаксической функцией сказуемого в предложении, является характерной категорией грамматической системы русского языка [11]. А.А. Потебня, основываясь на воззрениях В. Гумбольдта и Х. Штейнталя, даже выдвинул собственную философию глагольности русского языка. Формирование глагола привело к изменению древнего именного строя предложения на глагольный. Всем славянским языкам, включая русский, вследствие богатого семантического разнообразия глагольной лексики принадлежит особая категория вида, определяющая действие глаголов на основе их определенности или неопределенности и разделяющая все глаголы на два противоположных разряда – формы совершенного и несовершенного вида, причем, вне зависимости от категории времени. Категория вида во многом обусловлена ролью префиксов, придающих глаголам уточненные нюансы действия, чувства, осознания и т. д., что подчеркивалось еще языковедами В.И. Далем и Н.П. Некрасовым. Современные глаголы с префиксами подразделяются по способам глагольного действия и могут выражать разнообразные проявления действия с указанием на его распределение во времени и пространстве, повторяемость, периодичность, направление движения, временное ограничение и т. п.

Рассмотрим далее такие существенные особенности русского философского языка, как поэтичность, идиоматичность, зависимость от эстетического фактора, формирующие его национальное своеобразие. Одним из ярких примеров в этом плане является творчество Ф.М. Достоевского, который не использовал в своих произведениях логические и наукообразные формы изложения. В русском понимании человек не может самостоятельно определять и ограничивать глубинный смысл языка. Этот принцип проявляется в творчестве Достоевского вследствие того, что его произведения, одновременно художественные и философские, не содержат философской терминологии, а написаны живым, эмоциональным, красочным языком, позволяющим отразить бездну человеческого духа и, одновременно, обозначить и решить философские проблемы бытия. По причине прямой связи между языком и миропониманием язык художественного произведения, содержащий в себе бесконечное разнообразие смыслов, всегда многозначен. По мнению М. Бахтина, уникальная форма романов Достоевского отражает полифоническое художественное мышление, превосходящее рамки романного жанра и исследующее, в первую очередь, человеческое сознание и окружающую человека сложную реальность [12]. Важнейшая черта романов Достоевского – отсутствие объектного образа героя, а равные позиции автора и героя в его произведениях отрицают абсолютность авторского мнения. В этом состоит главное отличие диалога романов Достоевского от диалога западноевропейских романов, в которых он выступает лишь как видимость противоборства двух позиций, но на самом деле единственно верная точка зрения на любые события и явления принадлежит исключительно автору, в связи с чем можно утверждать наличие в западноевропейских романах монологического контекста. Во временном отношении смысл романов Достоевского не совпадает с повседневным смыслом жизни автора и его героев, так как смысл, по его убеждению, представляет собой вечную актуальность. Слово

же для Достоевского – живая, изменчивая и независимая стихия, поэтому практически невозможно выделить из контекста его произведений какие-либо мысли, сохраняющие свой смысл вне конкретных текстов и претендующие на роль изречений или афоризмов, столь характерных для литературы европейского Просвещения. Достоевский, в отличие, например, от Розанова, полагал, что афоризм как воплощение истины, выраженной словом, есть лишь мираж человеческого сознания.

В.В. Розанов выделял в развитии философии в России две полярные тенденции – истинно русские философские искания и официальную философию, ориентированную на запад, полагая, что первая непосредственно связана с отечественной литературой, а вторая исключительно с учебными нуждами. Трилогия Розанова "Уединённое" (1913 г.) и "Опавшие Листья" (1913 г. и 1915 г.) [13] предстает как яркий пример его творчества, которому было чуждо построение какой-либо концепции или системы – философской, литературно-критической или религиозной. Особенность произведения заключается в сочетании серьезных философских размышлений с афористической формой изложения, которую признают в качестве индивидуального стиля Розанова. Для "случайных" записей, из которых и состоит трилогия, характерен принцип "бесформенности", отражающий постоянную работу мысли, что для Розанова важнее завершенной системы. Язык Розанова, глубоко связанный с национальным духовным опытом, невозможно перевести на другой язык без потери оттенков мысли и даже искажения ее значения. Розанов мастерски использует многоуровневость русского языка, его национальную укорененность, его мысль неразделима с манерой ее выражения, определенным оборотом русского языка, ситуацией, в которой она возникает. Следует отметить, что для русской философии в целом, в том числе и для Розанова, жанр и стиль изложения всегда был философской проблемой, которая разрешалась не столько теоретически, сколько практически. Характерно русский тип мышления, который, в частности, выражается в стремлении к целостности, в значительной степени присущ и философской мысли В.В. Розанова. По его мнению, в свете "вечного" все теоретические идеи не интересны, вечное невозможно облечь в теоретическую форму, понятную всем, с вечным связывает только родное, невыразимое словами. Проблему поиска способа выражения таких "невывыказанностей" некоторые исследователи считают одной из первостепенных проблем русской философии. По причине того, что некоторые важные для русского человека грани действительности невозможно выразить вербально, русская литературная и философская мысль находит другие средства для их отражения, такие, как игра смыслов, опора на контекст, сознательное нарушение грамматических норм как протест против абсолютности человеческих законов.

Для многих русских мыслителей смысл философии заключался не в рациональном, теоретическом решении жизненных проблем, а в большей мере в осмыслении, принимавшем художественную, публицистическую или поэтическую формы, причин человеческих страданий, постоянного противоборства добра и зла и т. п. Значительная часть русских философов – Бердяев, Розанов, Леонтьев и другие – были в то же время и писателями, а возможно, в большей степени, писателями. Художественность русской философии может быть названа в качестве одной из основных ее особенностей. Общность идей и образов русской литературы и философии обусловлена рассмотрением и решением одних и тех же важнейших проблем бытия, таких, как основы жизни русского общества, социально-исторические цели, вопросы антропологии, метафизики добра и зла и др.

Социалистическая революция внесла существенные коррективы в русский язык, включая философский. Язык лишился многих слов, понятий, классовых и сословных диалектов, характерных для старого строя, появлялись советские неологизмы, новые идеи; литературный язык в целом изменялся в результате влияния языка вождей коммунистической партии. В 20-е годы XX века, когда русская философская мысль была еще относительно свободна от идеологии сталинизма, помимо марксистского анализа, встречались произведения

в духе традиционной русской философии – работы Ф.Ф. Куклярского, А.А. Богданова, А.Ф. Лосева и других, однако, постепенно официальный марксизм вытеснял все возможные отступления от взглядов властей как на содержание, так и на язык философии, для которого стали характерны логические построения схоластического типа. В 30–50-е годы для языка официальной философии даже буквенная опечатка, а не только философские рассуждения с неконкретным идеологическим смыслом могли рассматриваться как преступление. Позитивистский дискурс стал основной формой выражения идей марксистско-ленинской философии. Период "оттепели" 60-х годов принес определенную идеологическую и языковую свободу, большое количество метафор оживило язык философских работ того периода, а знаком свободной мысли стало так называемое "вольнодумие в рамках". В 70–80-е годы осуществлялась попытка интегрировать парадигмы предыдущих периодов – идеологическая непреложность сочеталась с некоторой языковой свободой. Следует подчеркнуть, что в этой сложной обстановке появлялись талантливые произведения, нестандартные по языку и манере мышления. Русская философия постсоветского периода возвращается к настоящему философскому языку, который был запрещен во времена господства марксизма-ленинизма, кроме того, стала очевидной тенденция к созданию новой эклектики.

В заключение необходимо подчеркнуть, что в результате длительного исторического и культурного развития русский язык, включая язык русской философии, сложился в могучий европейский язык, что дало О. Мандельштаму основание заявить: "...Столь высокоорганизованный, столь органический язык не только – дверь в историю, но и сама история" [14, с. 396].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 388 с.
2. Флоренский П. Сочинения. В 2-х Т. – М.: Правда, 1990. Т. 1 – Столп и утверждение истины. – 840 с. Т. 2 – У водоразделов мысли. – 448 с.
3. Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. – М.: Наука, 1978. – 320 с.
4. Замалеев А.Ф. Философская мысль в средневековой Руси (XI–XVI вв.). – Л.: Наука, 1987. – 247 с.
5. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). – М.: Аспект-Пресс, 2002. – 560 с.
6. Горский В.С. Философские идеи в культуре Киевской Руси XI – начала XII вв. // АН УССР. Институт философии. Киев, 1988. – 215 с.
7. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. – М.: Наука, 1985. – 335 с.
8. Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб.: Юна, 2002. – 448 с.
9. Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. – М.: Мысль, – 1989.
10. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М.: "Языки русской культуры", 1999. – 780 с.
11. Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – 558 с.
12. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советская Россия, 1979. – 320 с.
13. Розанов В.В. Люди лунного света. Уединенное. Опавшие листья // Розанов В.В. Метафизика христианства. В 2-х т. – М.: Правда, 1990. Т. 2. – 712 с.
14. Мандельштам О.Э. "Сохрани мою речь". Лирика разных лет. Избранная проза. – М.: Школа-Пресс, 1994. – 576 с.

Kryzhanovskaja Anna Vasiljevna
Industrial university of Tyumen, Tyumen, Russia
E-mail: cupava@mail.ru

Formation of national specifics of the language of Russian philosophy

Abstract. The purpose of this article is to examine the peculiarities of the development of the language of Russian philosophy and the formation of its national features, starting from the period of the birth of Russian philosophical thought. The article notes that already the most ancient monuments of Russian literature reveal both the philosophical nature of the thought of Russian authors, the interrelation of linguistic and philosophical subjects, and the nascent specific features of the Russian language, its multifaceted possibilities and inexhaustible philosophical potential. The article emphasizes that, in the opinion of many scholars of ancient Russian works, the original Russian, rather than Church Slavonic (Old Bulgarian) language is the basis of the formation of the domestic literary language. At the initial stage of development of Russian philosophical thought, mentalization was a characteristic feature of translations of philosophical terminology; later such methods of translation and the formation of philosophical terms such as tracing and transposition began to prevail. Tracing, due to the unique structure of the Russian language and its high potential for forming words, has become the dominant and effective method of creating the Russian philosophical terminological system. The author focuses on the fact that such bright features as poetry, idiomaticity, dependence on the aesthetic factor, form the national identity of the Russian philosophical language. The artistry of Russian philosophy can be called as one of its main features. The article forms the opinion that for many Russian thinkers the meaning of philosophy was not in a rational solution of life problems, but, to a greater extent, in understanding the causes of human suffering, a constant confrontation between good and evil, which took artistic, journalistic or poetic forms. The article concludes that as a result of a long historical and cultural development, the Russian language, including the language of Russian philosophy, has evolved into a powerful and perfect European language.

Keywords: language of Russian philosophy; monuments of ancient Russian written language; the formation of philosophical terms; the Russian philosophical and linguistic tradition; national identity of the Russian philosophical language; aesthetic factor; artistry of Russian philosophy

REFERENCES

1. Gumbol'dt V. (1984). Izbrannye trudy po yazykoznaniyu. [*Selected Works on Linguistics.*] Moscow: Progress, p. 388.
2. Florenskiy P. (1990). Sochineniya. V 2-kh tomakh. Tom 1 – Stolp i utverzhdenie istiny. Tom 2 – U vodorazdelov mysli. [*Writings In 2 volumes. Volume 1 – The Pillar and Statement of Truth. Volume 2 – At the watersheds of thought.*] Moscow: True, p. 840, p. 448.
3. Vinogradov V.V. (1978). Izbrannye trudy. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka. [*Selected Works. History of Russian literary language.*] Moscow: Science, p. 320.
4. Zamaleev A.F. (1987). Filosofskaya mysl' v srednevekovoy Rusi (XI–XVI vv.). [*Philosophical thought in medieval Russia (XI–XVI centuries).*] Leningrad: Science, p. 247.
5. Uspenskiy B.A. (2002). Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVII vv.). [*The history of the Russian literary language (XI–XVII centuries).*] Moscow: Aspect-Press, p. 560.
6. Gorskiy V.S. (1988). Filosofskie idei v kul'ture Kievskoy Rusi XI – nachala XII vv. [*Philosophical ideas in the culture of Kievan Rus XI – early XII centuries.*] Kiev: Academy of Sciences Ukrainian Soviet Socialist Republic. Institute of Philosophy, p. 215.
7. Stepanov Yu.S. (1985). V trekhmernom prostranstve yazyka. [*In the three-dimensional space of the language.*] Moscow: Science, p. 335.
8. Kolesov V.V. (2002). Filosofiya russkogo slova. [*Russian word philosophy.*] Saint Petersburg: Yuna, p. 448.
9. Klyuchevskiy V.O. (1989). Sochineniya. V 9 tomakh. [*Writings In 9 volumes.*] Moscow: Thought.
10. Vezhbitskaya A. (1999). Semanticheskie universalii i opisanie yazykov. [*Semantic universals and language description.*] Moscow: Russian culture languages, p. 780.
11. Vinogradov V.V. (1975). Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoy grammatike. [*Selected Works. Studies in Russian grammar.*] Moscow: Science, p. 558.
12. Bakhtin M. (1979). Problemy poetiki Dostoevskogo. [*Problems of Dostoevsky's Poetics.*] Moscow: Soviet Russia, p. 320.
13. Rozanov V.V. (1990). Lyudi lunnogo sveta. Uedinennoe. Opavshie list'ya. [*Moonlight people. Lonely Fallen leaves.*] Moscow: True, p. 712.
14. Mandel'shtam O.Eh. (1994). "Sokhrani moyu rech'". Lirika raznykh let. Izbrannaya proza. [*"Save my speech." Lyrics of different years. Selected Prose.*] Moscow: School Press, p. 576.